

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТОРИТЕЛЛИНГА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ НАРРАТИВОВ

В статье выявляется социокультурный и политический контекст возникновения сторителлинга, а также определяются области его распространения и применения. Рассмотрены методические и методологические аспекты реализации сторителлинга, его аналитические возможности с точки зрения исследовательских практик.

Ключевые слова: личностный нарратив, сторителлинг, методика качественного исследования, нарративная практика, интеракция

Введение

Сторителлинг представляется достаточно новой для современной социологии методикой исследования. Он получил распространение в методологических и эмпирических работах таких зарубежных исследователей, как Э. Мотес, К. Броуд, С. Кроули, Ф. Поллетта, П. Чен, К. Риссман, П. Райан и др. Однако само понимание сторителлинга, а также моменты его методической реализации у различных авторов носят достаточно контрастный характер. Данное обстоятельство побуждает нас выстраивать представление о методике сторителлинга в фокусе исследования личностных нарративов (*personal narrative*) с учетом рассмотрения теоретических и эмпирических работ зарубежных социологов.

Сергей Владимирович Мозжегоров (1988–2013) – аспирант кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ.

Излагаемое в статье понимание сторителлинга позволит актуализировать данную методику в среде российских исследователей.

Под сторителлингом мы будем понимать самостоятельную нарративную методику исследования личностных историй, передающих жизненный опыт и переживания конкретных субъектов. В отличие от иных нарративных подходов, сторителлинг акцентирует внимание на процессуальных особенностях воспроизводимого сюжета. Находящаяся в фокусе внимания социолога процессуальность повествования соотносится с жанрово-содержательным контентом личностной истории. Заметим, что при анализе и интерпретации полученных нарративов особое значение имеет существующий социальный и культурный контекст общества.

Наша цель – выделить методологические основы и практические принципы реализации сторителлинга как исследовательской практики. В связи с этим поставлены следующие задачи: 1) определить социальный и политический контекст возникновения сторителлинга как нарративной практики в современном обществе; 2) рассмотреть методические особенности и аналитические возможности сторителлинга как социологической методики исследования личностных нарративов.

Социальный и политический контекст возникновения сторителлинга

Социокультурные основания сторителлинга связаны со специфической практикой рассказывания, распространившейся в условиях североамериканского общества второй половины XX в. Становление индивидуализированного общества, где каждый индивид освобожден от различного рода социальных и врожденных предписаний, во многом предопределило социологический интерес к исследованию человеческой субъектности посредством сторителлинга. Основной предпосылкой к возникновению и развитию «культуры рассказывания» стал социальный и политический протест 60–70-х гг. XX в., связанный

с выходом и активизацией в публичном пространстве различных индивидов и социальных групп. Именно они способствовали выстраиванию некоего социально-дискурсивного поля, в границах которого каждый субъект мог заявить о своем существовании, рассказать историю собственной жизни, поделиться личностным опытом. Распространение получили различные клубы и собрания по интересам, группы поддержки и взаимопомощи, где встречались и находили друг друга люди со схожим личностным опытом. В этом контексте сторителлинг становился нарративной практикой, достаточно популярной среди отдельных социальных категорий.

Сторителлинг ориентировался на воспроизводство маргинальных, а зачастую табуированных сюжетов жизненного опыта субъектов. В поле внимания оказались «истории интимного гражданства», предметом которых стали приватная и повседневная жизнь индивидов, их нетипичный личный опыт, эмоциональные и телесные переживания. Проблемы сексуальной жизни, семейных и однополых отношений, бытового насилия и уличной агрессии, проституции, наркомании, алкоголизма, инвалидности и физического уродства – это лишь небольшая часть тех областей нового знания, где фокусируются практики рассказывания.

Кроме того, с процессом распространения средств массовой коммуникации и медиа-ориентированной культуры, сторителлинг проникает в публичное пространство. В отличие от уже существующей массовой печатной продукции, телевидение позволило в буквальном смысле «оживить» рассказчиков, сделав их слышимыми и визуально воспринимаемыми субъектами реальности. Так личностные истории сделались достоянием широкого экрана и многочисленной телевизионной аудитории. Одним из показательных примеров реализации сторителлинга как нарративной практики, артикулирующей социальную проблематику, стал формат телевизионных ток-шоу (*talk show – разговорное шоу*). Появление этого жанра в 1960-х гг. связывается с именем тележурналиста Фила Донахью, чье ток-шоу поставило рекорд по времени суще-

ствования на американском телевидении. Позже в медиа-культуре США массовую популярность приобрели такие ТВ-программы, как «Шоу Опы Уинфри» и «Шоу Джерри Спрингера»; в российском варианте особую популярность получили ток-шоу А. Малахова. Как правило, действующими лицами этих показов становятся простые люди, желающие рассказать о себе, поделиться личным опытом, найти поддержку среди аудитории. Оставляя в стороне проблему этических рамок медийного жанра, нельзя не учитывать, что подобный драматургический формат оказался достаточно эффективным средством в плане постановки и публичной легитимации «замалчиваемой» проблематики, нахождения решений тех или иных социальных проблем. По справедливому суждению С. Кроули, «истории жизни, используемые в качестве ресурса привлечения внимания, смогли создать атмосферу открытости, обеспечивая возможность обсуждения теории в контексте повседневного опыта» [1, р. 211].

Особую значимость имели истории о нетипичном и ненормативном опыте субъектов, который в массовом сознании чаще всего маркировался негативно. Рассказчик, воспринимаемый через социальную стигму, формировал в понимании слушателей особый тип отношений между качеством и стереотипом [2], что влияло на восприятие его со стороны. Именно поэтому важной задачей публичного сторителлинга стало «развенчание» существующих в сознании большинства людей предубеждений против того или иного нарративного субъекта.

Говоря о политическом контексте, следует подчеркнуть, что сторителлинг оказался частью более общего антинормативного процесса, направленного на оспаривание гегемонии социальных норм и дискурсивных оплотов дисциплинарной власти [3]. Субъекты, чья повседневная жизнь прежде оставалась за рамками доминирующих в социуме институциональных конвенций, а подчас противоречила им, получили право голоса, право «быть услышанными». Сторителлинг понимался в качестве ресурса, аккумулирующего в себе мобилизационный потенциал активист-

ской и протестной деятельности отдельных индивидов и целых социальных групп.

Таким образом, практики сторителлинга содействовали развитию различных форм политического и гражданского активизма [4]. Исследователь К. Пламмер говорит, что личные истории диалектически сумели объединить вокруг себя индивидуальный опыт людей и социальные сообщества. «Для существования нарративов должно быть сообщество, готовое их слышать; для того чтобы сообщество слышало, должны быть истории, в которых бы переплетались их общая сюжетная линия, их коллективная идентичность и стратегия борьбы» [3, р. 87]. В качестве примера К. Пламмер ссылается на опыт американского феминистского и гей/лесби-движения. Личностный сторителлинг, преодолевая границы приватного, обретал политический фрейм в акционистской деятельности сексуальных меньшинств. Так, к примеру, мобилизационный эффект историй о гомосексуальном раскрытии способствовал выработке политической стратегии борьбы против социальных проявлений гомофобии в контексте отстаивания прав сообщества сексуальных меньшинств.

Таким образом, личные повествования становились частью освободительного дискурса отдельных маргинализированных слоев общества и отдельных социальных групп. Воспроизводимый в социально-дискурсивном поле жизненный опыт рассказчиков поднимал политические вопросы о власти, солидарности и социальном неравенстве в современном обществе. Кроме того, сторителлинг как форма радикальной демократической практики приобрел собственное ценностно-социальное наполнение [5], выражаемое конкретными нарративными субъектами.

Сторителлинг как практика и метод исследования

Прежде чем перейти непосредственно к особенностям сторителлинга как социологической методики, следует определить его

дисциплинарные истоки и сферы первоначального применения в качестве нарративной практики.

Изначально появление сторителлинга связывается со сферой маркетинга и управления персоналом в организации, где он используется в качестве способа подачи информации. Это определенный формат рассказывания, который выражается в форме сконструированной и воспроизведенной от первого лица истории, цель которой – оказание необходимого влияния на конкретных слушателей, аудиторию. Согласно основателю сторителлинга Д. Армстронгу, такая история выстраивается по линейной схеме «эмоции – вывод – действие», которая диктует последовательную эмотивно-ориентированную модель поведения аудитории [6]. Нужно заметить, что именно эмоции послужили ключевым инструментом воздействия, поскольку были противопоставлены рациональному восприятию получаемой людьми информации. Воспроизводимый рассказчиком эмоциональный фон формировал у слушателей соответствующие мотивационные установки на осуществление тех или иных действий. Достаточно показательным, что особое распространение практика сторителлинга получила в сфере публичной политики, став для политических лидеров стран западной демократии эффективным инструментом воздействия на электоральную аудиторию, в контексте выстраивания определенных социальных настроений общества.

Другим полем применения сторителлинга как нарративной практики стала область терапевтической работы психологов и психотерапевтов с отдельными индивидами [7; 8]. Известный психотерапевт М. Уайт в своем труде «Карты нарративной практики» фокусировал внимание на особенностях воспроизводимой субъектами персональной истории. Представленные в работе «нарративные карты» послужили сконструированными средствами ориентировки психотерапевта в процессе его взаимодействия с индивидом [7, с. 19]. В теоретико-методологическом плане данный нарративный подход заимствовал идеи драматургической социоло-

гии Э. Гоффмана [9] и нарративной психологии Дж. Брунера [10]. Заметим, что, в отличие от иных форм работы психотерапевта с клиентом, сторителлинг стремится к воспроизведению не просто спонтанного говорения, а «насыщенного описания», выраженного в многомерном и эмоционально-наполненном повествовании [8]. Это во многом предопределяет эвристический потенциал сторителлинга в контексте исследования личностных нарративов.

Социологическое понимание сторителлинга как методики исследования по своему характеру приближено к обозначенной области психологии и психотерапии. Прежде всего речь идет о проблематизации процессуальных моментов коммуникативной составляющей межличностного взаимодействия исследователя и информанта. Вместе с тем социология, в отличие от психотерапии, в первую очередь ставит перед собой когнитивные задачи исследования. Сторителлинг как социологическая методика использует теоретические принципы символического интеракционизма и этно-методологии, выстраивающие основания данного подхода. В этом смысле сторителлингу соответствует дефиниция личностного нарратива как самоописания субъекта, выраженного в конкретных актах рассказывания о себе [11], в ракурсе которого делается акцент именно на процессуальных особенностях повествования в контексте производства определенного типа дискурса [12].

Итак, основная цель сторителлинга – выявление смысловых структур и образцов воспроизводимого жизненного опыта нарративных субъектов. Это достигается в процессе организованного взаимодействия социолога и информанта, где последний выступает в роли рассказчика, способного донести знания о самом себе. При этом исследователь стремится услышать и воспринять содержательную сторону истории, а также рефлексивно осмыслить непосредственно процесс рассказывания. Полученные и зафиксированные данные представляются материалом для анализа и интерпретации конкретных нарративных сюжетов в их процессуальном контексте.

Процессуальные особенности взаимодействия социолога с информантом. В отличие от большинства применяемых в социологии нарративных методик, сторителлинг ориентируется не просто на анализ воспроизводимого контента либо содержательной структуры нарратива, но и фокусирует внимание на сложностях коммуникативного процесса эмпирического этапа исследования, в частности, делая акцент на психологических и социальных моментах взаимодействия интервьюера и информанта. В то же время, например, в нарративном интервью роль исследователя ограничена и фактически сводится к слушанию и при необходимости минимальному вмешательству (уточнение деталей, расспросы) в воспроизводимое повествование [13]. Зачастую процесс взаимодействия с информантом лимитирован заданными временными рамками, которые в свою очередь зависят от личностного рационализованного понимания целесообразности и чисто исследовательского интереса. В конечном счете такая позиция приводит к тому, что методические вопросы взаимодействия исследователя и информанта так и не становятся предметом социологической рефлексии.

Следует отметить, что в сторителлинге роль социолога в процессе взаимодействия с информантом не может быть сведена к реализации функций стороннего наблюдателя, лишь задающего направление и тематику воспроизводимого информантом личностного опыта. Основанием для определяемого нами типа взаимодействия может послужить субъект-субъектная модель отношений, где методика научного исследования одновременно приобретает смысл и значение нарративной практики общения. Это предполагает синтез социального и психологического знания, позволяющий качественно расширить рамки исследовательских возможностей.

В контексте личной встречи в ситуации нахождения в одном физическом пространстве с информантом, ключевую задачу на этапе эмпирической работы мы усматриваем в создании по возможности максимально-доверительных и неформальных условий

для рассказывания. Этот момент следует воспринимать как некую методическую доминанту сторителлинга. Как правило, процесс общения начинается с выражения нашей собственной заинтересованности не в рассказе как таковом, а в личности информанта. В первую очередь мы активно проявляем интерес к увлечениям, взглядам и ценностным убеждениям другого человека, параллельно с этим делясь собственными безоценочными суждениями, своим пониманием воспроизводимого опыта. Достаточно часто именно такой неформальный диалог способствует выстраиванию позитивного фона для дальнейшей открытой коммуникации с информантом.

Заметим, что разговор на отвлеченные от исследования темы может стать удачной подводкой непосредственно к предмету личностного повествования. Таким образом, изначально определенная тематика интервью встраивается в общую структуру общения, делая его более открытым, доверительным и направленным друг к другу. При этом нужно отметить, что задаваемый нарративный импульс в любом случае будет зависеть от воспринятых самим исследователем психологических особенностей личности информанта, играющих ключевую роль.

Несмотря на то что коммуникация между социологом и исследуемым субъектом носит неформальный характер, в рамках интервью следует ориентироваться на заранее прописанный гайд, структура которого, впрочем, может иметь достаточно подвижный характер. Руководствуясь гайдом, мы обозначаем для себя лишь общие направления разговора, которые в идеальном варианте следуют общей последовательности воспроизводимого нарратива. Однако нужно помнить, что векторы повествования задаются непосредственно самим информантом, и исходя из этого выстраивается сценарий расспрашивания и соответствующая тематическая расстановка акцентов.

Этические вопросы взаимодействия с информантом. Не менее важное условие, на которое следует обратить внимание, – этическая сторона взаимодействия социолога с информантом. Общение

должно выстраиваться в соответствии с принципами гуманистической психологии. Неизбежно «вторгаясь» во внутренний мир исследуемого индивида, социологу-качественнику необходимо принять в качестве аксиомы тезис о «хрупкости субъекта» – «субъект настолько хрупок, что с ним нельзя обращаться как с источником информации и причиной проблем, которые требуют разрешения» [14]. В связи с этим социолог К. Пламмер выделяет пять этических принципов, которые и определяют позицию современного исследователя по отношению к информанту:

- принцип уважения, признания и толерантности к субъекту и его отличиям;
- принцип содействия и заботы о других (в феминистском понимании «этика заботы»);
- принцип расширения равенства, социальной справедливости и личных прав;
- принцип расширения сферы автономности и свободы выбора;
- принцип минимизации негативного влияния [15].

Профессиональные компетенции исследователя. Кроме ценностных установок социолога следует обозначить и определенный набор профессиональных компетенций, которыми должен обладать исследователь в процессе осуществления методики сторителлинга. Как уже было замечено, исследователь должен видеть в исследуемом субъекте «живого человека» со своим жизненным опытом и переживаниями, которые нуждаются во внимании. Развитый эмпатийный потенциал личности социолога должен способствовать выстраиванию эмоционально-открытых и по возможности доверительных отношений с информантом. Это подразумевает знание и умелое использование законов психологии, а при необходимости – психоанализа, воспроизводящего соответствующие рефлексивные и интуитивные способности. В отдельных случаях исследователю может понадобиться применение психотерапевтической установки, которая, впрочем, должна быть ограничена рамками выражаемой поддержки и понимания.

Вместе с очевидными преимуществами, выделенные компетенции могут нести в себе и некоторые риски, связанные с эмоциональностью контакта исследователя и информанта. Изначально отсутствие установленной дистанции в процессе интеракции, что определено попыткой социолога «погрузиться» во внутренний мир субъекта и вжиться в воспроизводимый им личностный опыт, может негативным образом сказаться на психоэмоциональном состоянии самого исследователя. Очевидным последствием межличностного взаимодействия может стать возникновение у социолога так называемого синдрома эмоционального выгорания и состояния депрессии. Можно предположить, что подобного рода издержки могут быть обусловлены, во-первых, сюжетной тематикой личностного нарратива, например воспроизводство информантом травматического опыта собственной жизни. И, как следствие первой причины, во-вторых, появлением у исследователя особого чувства симпатии и перенесения воспроизведенного опыта и переживаемой другим человеком ситуации в контекст своей жизни. Безусловно, нет единого для всех исследователей рецепта избегания или преодоления подобного рода рисков, однако каждый социолог должен учитывать эти издержки и быть готовым к вероятности их возникновения.

Нельзя не отметить, что в отдельных случаях социолог, реализующий методику сторителлинга, может приобретать роль активного социального актора на пути продвижения, признания и отстаивания прав на существование и потребностей социальных групп, которые оказались в поле его исследований. Вместе с познавательной и просветительской функциями, социальный исследователь выступает в качестве эксперта в той или иной области социальной проблематики. В этом случае деятельность социолога будет иметь видимое ценностно-гражданское и экспертное измерение в попытках проблематизации и продвижения определенной «повестки дня». В этом смысле показательна исследовательская деятельность социолога Н. Дензина, чьи суждения с некоторого

времени приобрели очевидный ценностный и социально-практический смысл – «мы живем в мире, в котором раса, национальность, класс, гендер и сексуальная ориентация пересекаются; мир, где язык и перформативные возможности позволяют индивидам стать тем, кем они хотят, быть свободными от предрассудков, репрессий и дискриминации» [5, р. 26].

Сторителлинг: аналитические возможности методики

Аналитические и интерпретационные возможности сторителлинга напрямую зависят и от успешности эмпирического этапа реализуемого исследования, но одновременно также и от адекватного понимания изучаемой проблематики, степени погруженности социолога в передаваемый информантами социальный контекст нарративов. В этом смысле закономерен вопрос о границах исследовательской рефлексии; ведь от того, как далеко готов зайти социолог в познании нарративного субъекта, будут зависеть и его последующие интерпретационные возможности. Прежде всего этот вопрос решается самим социологом в зависимости от поставленных целей и задач его исследования.

Аналитическая стратегия сторителлинга получила обоснование в работе «Новый язык качественного метода» (1997) Дж. Габриума и Дж. Хольштейна. В своем труде английские социологи акцентируют внимание на двух моментах воспроизводства повествования – во-первых, что за информация передается информантами в процессе рассказывания собственных историй (*the whats*); во-вторых, как осуществляются стратегии передачи той или иной информации в процессе рассказывания (*the hows*). Интерпретационная практика личностного нарратива реализуется в контексте производства наличествующих условий и ресурсов, посредством которых реальность воспринимается, организуется и представляется в повседневной жизни индивидов [16]. Это пред-

полагает рефлексивное сопоставление между тем, *что* сказано, и тем, *как* сказано. Иными словами, суждения социолога о воспроизводимом нарративном опыте обусловлены перформативной спецификой повествования.

Таким образом, в ракурсе понимания методологических основ сторителлинга как социологической концепции вполне уместно использовать понятие «перформатив», введенное лингвистом Дж. Остином в работе «Слово как действие» [17]. Однако мы станем использовать категорию перформатива в ином смысле – как произведенное речевое высказывание, через которое индивид нарративизирует конкретные собственные действия и поступки, которым в свою очередь придается тот или иной смысл в воспроизводимой личностной истории. С одной стороны, перформатив может быть выражен в конкретном высказывании в повествовании; с другой – воспроизводимый нарратив воспринимается не просто как текст, а как текст-представление, из чего следует его перформативный характер [16]. Таким образом, диалектическая зависимость категорий языка и действия открывает этнографическую перспективу, где практика интерпретации нарративов должна быть подчинена пониманию действий индивидов в ракурсе социального времени и производимого повседневного опыта.

Рассказывая собственные истории в условиях ситуативного «здесь и сейчас» индивиды определенным образом презентуют себя. Так, например, различные варианты занимаемых ими позиций становятся предметом выбора для исследователя, посредством которого последний способен распознать, обозначить и наделить смыслом субъектность рассказчика. Достаточно показательный пример приводит К. Рисман, различая два противоположных варианта позиций, выражаемых нарративным субъектом. Социолог делает акцент на реализации активной и пассивной роли индивидов в социальном поле [18]. В первом случае индивиды позиционируют себя в качестве жертв сложившихся обстоятельств, перенося ответственность за свои действия/бездействия на си-

туацию и других людей. Обычно лингвистически такая позиция прочитывается в глагольных формах, объясняющих подчиненный характер действий рассказчиков (например, «*я был вынужден*», «*мне пришлось*», «*обстоятельства обязывали*»). Вторая позиция, напротив нарративизирует информанта как активного субъекта, успешно управляющего ситуацией, зачастую целенаправленно иницируя и вызывая те или иные действия. Данная позиция может обозначаться в формах глагола, утверждающих волевой момент действий рассказчиков (например, «*я намеренно провоцировал*», «*я делал так, как мне хотелось*», «*это было мое решение*»). Стоит подчеркнуть, что отмеченные социальные роли, выраженные в формах позиционирования, не закрепляются раз и навсегда за конкретным субъектом, а могут изменяться от эпизода к эпизоду, а также зависимы от ситуативного контекста, в рамках которого воспроизводится личностный нарратив.

Кроме конструирования собственной позиции в нарративе, процесс рассказывания историй сопровождается невербальными проявлениями индивидов в повествовании. В этом контексте практика сторителлинга акцентирует внимание на эмоциональных моментах нарратива, выражаемых перформативно. Проявляемые внешне эмоции и переживания представляются важной составляющей познания субъектности рассказчика, а также ситуации, вокруг которой и цементируется нарратив [19]. Перформативные свойства эмоций позволяют восстановить и по-новому понять смысл пережитого непосредственно в контексте повествования. Эмоциональные проявления индивидов служат своеобразной когнитивной призмой, сквозь которую интерпретируется нарратив. Эти эмоциональные проявления информанта в процессе рассказывания выстраивают контекстуальные рамки личностной истории, посредством которых схожий жизненный опыт, события или поступки в жизни у отдельных субъектов могут презентоваться по-разному, в соответствии с индивидуальным восприятием и рефлексивным осмыслением самого информанта.

Говоря о значении эмоционального проявления индивидов в повествовании, отметим, что эмоции способны раскрыть экзистенциальный и потому часто сокрытый от социальной среды мир информанта, тем самым отобразив его чувственный опыт и прошлые переживания в настоящем времени [20]. По мнению Н. Дензина, «воспроизводство эмоций как пережитого опыта стирает различия между прошлым, настоящим и будущим. Эмоциональные проявления, находя свое выражение в настоящем, трудно разделимы в сознании индивида на прошлое и будущее» [21, р. 58]. Иными словами, эмоциональная память индивида реализуется в контексте нераспознаваемого рационально внутреннего времени в тот момент, когда информант нарративизирует собственный опыт. Это и позволяет воспринимать эмоции как спонтанные, незапланированные и зачастую трудно прогнозируемые невербализуемые перформативы в сторителлинге, что представляет особую ценность в исследовании личностных нарративов.

Нецензурируемые эмоции выступают как средство организации и выстраивания интерактивных практик информанта и исследователя. Чаще всего репрезентация эмоций связана с конкретными резонансными сюжетами нарратива, раскрывающими драматический опыт прошлого информантов. Например, в исследовании сторителлинга гомосексуального раскрытия американские социологи С. Кроули и К. Бруд выделяют два основных типа эмоций, выстраивающих соответствующий перформативно-процессуальный контекст рассказывания. Первый тип – это выражение психологической боли и прошлых переживаний через слезы, что способствует формированию высокого уровня понимания и чувства симпатии со стороны слушателя; второй – это юмор и ирония, позволяющие преодолеть коммуникативные барьеры, снять напряженность и возникающие трудности общения [4]. Исследователь, определяя когнитивное значение отмеченных эмоциональных проявлений, должен прочитывать и распознавать их контекстуальное измерение.

Обратный пример – отсутствие или невоспроизводство эмоций и эмоциональных проявлений в повествовании. Так, К. Рисман, исследуя факт переживания супружеской измены и последующие эмоциональные реакции на развод в личностных нарративах женщин, обнаруживает, что эмоции намеренно не презентуются, оставаясь в области скрытого и интимного знания [22]. Такая стратегия повествования либо открывает перед социологом новые пути интерпретации, либо заставляет задуматься о необходимости изменения тактики межличностной интеракции. Особенно остро проблема отсутствия эмоционального самовыражения встает в нарративах, передающих травматический либо социально-негативный опыт информанта.

Резюмируя, хотелось бы отметить тот факт, что рефлексивный исследователь отдает себе отчет в том, что не может быть лишен собственного субъективного восприятия как информации, так и визуально производимых эффектов. Однако это вовсе не недостаток, а скорее преимущество, позволяющее социологу-качественнику в очередной раз по-новому взглянуть на собственную роль в контексте реализации стратегии исследования. Необходимо также и осознание, что задача социолога – это отнюдь не объективирование другой субъектности, которая заключается в стремлении очертить, зафиксировать, обездвижить и овеществить субъекта, а, напротив, стремление показать всю сложность, неоднозначность и противоречивость индивида [14]. Здесь занятая социологом позиция противостоит попыткам упрощенного понимания субъектности информанта, т. е. желанию исследователя сконструировать некую статичную структуру личности, в которой бы логически соотносились мотивации, поступки, модели поведения, жизненные и ценностные ориентиры и т.д. Само по себе восприятие субъекта во всем многообразии и неоднозначности воспроизводимого им нарративно личностного опыта представляется непростой задачей для исследователя.

Личностный нарратив Мити

В качестве примера реализации методики сторителлинга приведем личностный нарратив молодого человека, которого мы назовем Митей (28 лет). Этот тот случай, когда воспроизводимый нарратив оказался для нас весьма неожиданным. Митя достаточно закрытый молодой человек, и мы изначально это понимали; данное обстоятельство ставило перед нами задачу нахождения возможностей для того, чтобы суметь разговорить информанта.

На этапе подготовки к интервью, нами был прописан достаточно типичный гайд с вопросами, посвященными биографии информанта. Однако интуитивно предполагалось, что сценарий интервью и рассказывания может проходить не по нашему плану; в результате так и случилось.

Встреча проходила в одном из московских кафе, в достаточно неформальной и комфортной для информанта обстановке. Прежде всего он заказал какой-то алкоголь, предлагая нам последовать его примеру. Действительно, состояние легкого алкогольного опьянения способствовало открытости и раскрепощенности информанта. Включенный диктофон несколько не смущал, а, наоборот, вызывал у информанта какой-то особый интерес. Нарративный импульс задавался следующей фразой: «Митя, если бы тебя попросили рассказать историю своей жизни, как бы ты начал и о чем рассказал?» Далее, информант начинал свое повествование. Приведем один из фрагментов истории, воспроизводящий травматический жизненный опыт рассказчика.

...знаешь, я ведь с восемнадцати лет жил один; все мои родители, они в течение какого-то времени один за другим старательно умирали от рака. На самом деле, все было предсказуемо, какое-то время я просто ждал, когда это случится... я приходил домой из школы, запирался в комнату и просто ждал, ничего не хотелось... потом было какое-то облегчение, что наконец-то все прошло; но лучше от этого не стало... конечно, были какие-то моменты, когда

хотелось просто сдохнуть, даже вены резал... потом всё один и один, и привык к этой мысли... читаю, гуляю, ем, сплю, почти не пью – так всё и проходит... даже не знаю, что бы мне сейчас хотелось; всё быстро надоедает; есть, какие-то знакомые, кто-то даже считает меня своим другом, но я общаюсь с людьми редко, с очень ограниченным кругом, чаще всё раздражает... если честно, я не знаю, как бы всё сложилось, если бы родители были живы... свою память я пропил несколько лет назад, и откровенно этим очень доволен; то, что раньше как-то всегда было перед глазами, сейчас куда-то ушло, может оно и к лучшему.

Личностное повествование Мити представляет собой сюжет переживаний смерти родителей, а также последующих непреодолимых негативных в психологическом и социальном плане последствий полученного жизненного опыта.

Первая фраза буквально вводит нас в жизненный контекст информанта, интригуя и привлекая внимание к его истории. Потеря родителей определяется самим информантом в качестве ключевого, во многом предопределяющего его дальнейший жизненный путь события-переживания. Транслируемая осознанность неизбежности смерти родителей формирует у Мити установку на привыкание и принятие существующих условий; его нарративизируемые действия направлены на то, чтобы заглушить и вытеснить свои собственные эмоциональные переживания. Длительное ожидание неизбежности смерти близких людей и последующее чувство «облегчения», связанное с моментом их «ухода» из жизни, не способствуют разрешению внутренних проблем рассказчика («...но лучше от этого не стало»). Напротив, такой жизненный фон способствует лишь углублению существующих экзистенциальных проблем Мити, а также выстраиванию социально-негативистских установок сознания.

Непроработанный травматический опыт формирует у информанта чувство социального отчуждения, установку на сознательную изоляцию себя от внешней социальной среды. В этом контексте рассказчик упоминает о двух важных моментах, свидетельствующих

о непреодолении собственного негативного опыта. Во-первых, слова, обнаруживающие суицидальные наклонности информанта («...хотелось сдохнуть, вены резал»). Во-вторых, употребление таких словосочетаний, как «*всё быстро надоедает*», «*чаще всё раздражает*» в ракурсе общения с социальным окружением говорит о нежелании самого информанта устанавливать и иметь длительные социальные контакты и связанные с ними определенные личностные обязательства перед другими людьми.

На общем фоне рассказывания особый интерес представляют последние фразы личностного повествования. В конце нарратива информант говорит, что «*не знает, как бы всё сложилось, если бы родители были живы*», таким образом, предполагая совсем иной сценарий собственной жизни. Однако мысль о «жизненной утрате» сменяется отсутствием сожаления по поводу «забывания» своего прошлого. «*Свою память я пропил, и этим доволен...*» – заключает Митя. Однако это лишь иллюзия, созданная информантом в своих попытках «забыть», но отнюдь не «преодолеть» собственный опыт и переживания прошлого. На поверхности же остаются всё те же психосоциальные проблемы личности, продолжающие влиять на повседневную жизнь рассказчика.

Несмотря на то что настоящее повествование лишено воспроизводства внешних эмоций, оно достаточно эмоционально по своему контексту. Намеренно скрываемые эмоции и выдержанно-холодный тон нарратива создают определенный фон, на котором каждая последующая фраза информанта воспринимается как эмоционально-нагруженная. Реакция сочувствия с нашей стороны представляется вполне естественной, хотя сознательно сам информант ее не провоцирует.

Основная часть личностного нарратива – это не напрямую выражаемые последствия травмы, которая для самого Мити не потеряли свою актуальность и по прошествии нескольких лет. Очевидно, что информант нуждается в квалифицированной помощи психотерапевта, но при этом в разговоре он отвергает для себя

такую возможность. Наша же ответственность состоит в том, чтобы не навредить Мите, исключив возможные негативные последствия воспроизводимого им травматического опыта. После интервью у нас еще состоялось несколько дружеских встреч с Митей, где тематика нарратива не затрагивалась. В процессе общения мы убедились в психологически-уравновешенном состоянии информанта, что и стало конечным результатом реализованной методики.

Резюме

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в общем ряду качественных методов в социологии, сторителлинг имеет собственную перспективу развития. Становлению сторителлинга как социологической методики способствовал социальный и политический бэкграунд второй половины XX в., формирование в западных странах «культуры рассказывания», когда каждый индивид получил возможность рассказать историю своей жизни, таким образом заявить о себе и быть услышанным другими людьми.

Аналитические возможности методики сторителлинга связаны с форматом ее реализации, где важную роль играют рефлексия и позиция исследователя в контексте практик межличностной интеракции с информантом. В контексте исследования личностных нарративов следует особо подчеркнуть процессуальные аспекты сторителлинга, в рамках которых делается акцент на то, *как (hows)* ведется повествование. Нарративное выстраивание личностных повествований в сторителлинге проблематизирует перформативные моменты его воспроизводства. В данном смысле формат сторителлинга оказался достаточно эффективной нарративной методикой, позволяющей понять, как выстраивается нарратив с точки зрения личности рассказчика, а также осмыслить контекстуальное значение его (рассказчика) эмоциональных проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crawley S.L.* When Coming Out is Redundant: On the Difficulties of Remaining Queer and Theorist after Coming Out in the Classroom // *Feminism & Psychology*. 2009. Vol. 19(2). P. 210–212.
2. *Ewick P., Silbey S.* Subversive Stories and Hegemonic Tales: Toward a Sociology of Narrative // *Law & Society Review*. 1995. Vol. 29. No. 2. P. 197–226.
3. *Plummer K.* *Telling Sexual Stories: Power, Change and Social Worlds*. L.: Routledge, 1995.
4. *Crawley S.L., Broad K.L.* Be Your [Real Lesbian] Self: Mobilizing Sexual Formula Stories Through Personal (and Political) Story Telling // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2004. Vol. 33. P. 39–71.
5. *Denzin N.* The Reflexive Interview and a Performative Social Science // *Qualitative Research*. 2001. Vol. I(I). P. 23–46.
6. *Armstrong D.* *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. N.Y., 1992.
7. *Уайт М.* Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию / Пер. с англ. М.: Генезис, 2010.
8. *Кутузова Д.* Введение в нарративную практику // *Журнал практического психолога*. 2011. № 2. С. 23–41.
9. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
10. *Bruner J.* Life as Narrative // *Social Research*. 1987. Vol. 54. No. 1. P. 11–32.
11. *Троцук И.В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // *Вестн. РУДН. Серия Социология*. 2004. № 1. С. 41–53.
12. *Polletta F., Chen P., Gardner B., Motes A.* The Sociology of Storytelling // *Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. P. 109–130.
13. *Журавлев В.Ф.* Нарративное интервью в биографических исследованиях // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 1993–1994. № 3/4. С. 34–43.
14. *Лаплантин Ф.* К политической антропологии субъекта // *Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Е. Филипповой, Б. Петрика*. М.: ФГНУ, 2009. С. 54–67.
15. *Plummer K.* *Documents of Life 2: An Invitation to a Critical Humanism*. L.: Sage, 2001.
16. *Gubrium J., Holstein J.* *The New Language of Qualitative Method*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1997.
17. *Остин Дж.* Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. М., 1986.
18. *Riessman K.* *Analysis of Personal Narratives // Handbook of Interview Research: Context and Method*. Thousand Oaks: Sage, 2000.

19. *McCarthy E.D.* Emotions Are Social Things: An Essay in the Sociology of Emotions // *The Sociology of Emotions*. L.: JAI Press, 1989. P. 51–72.
20. *Mattley C.* Voicing Gender: The Performance of Gender in the Context of Phone Sex Lines // *Gendered Sexualities*. N.Y.: Elsevier Science, 2002. Vol. 6. P. 79–102.
21. *Denzin N.* On Understanding Emotion. San Francisco: Jossey-Bass, 1984.
22. *Riessman K.* Divorce Talk: Women and Men Make Sense of Personal Relationships. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 1990.